

Веч. Ленингр. 1980, 15 окт.

В КНИГЕ «На пороге ХХI века» доктор филологических наук В. Ивашова пишет: «Современную литературу... характеризуют три ярко выраженных тенденции, возникновение которых, видимо, прямо или косвенно связано с научно-техническим взрывом середины века. Тенденции эти — подчеркнутая тяга многих (и разных) писателей к документализму, неслыханное до середины 50-х годов распространение научно-фантастической литературы различных жанров и, наконец, углубление интереса к философским размышлениям, а отсюда и расширение философской прозы, драматургии и поэзии».

Это признание роли научной фантастики тем более значимо, что исходит оно от одного из крупнейших знатоков мировой литературы. К нему только стоило бы добавить, что во все расширяющееся гноте научно-фантастической прозы последнего десятилетия наиболее интересными произведениями представляются как раз те, в которых документализм повествования сочетается с философскими раздумьями об истоках и возможных путях решения главнейших проблем эпохи НТР (проблема сохранения мира, экологическая, проблема ответственности ученого за последствия открытия, человечество и космос и другие). Таким образом, и в самой научной фантастике находят отражение тенденции, характерные для художественной литературы в целом.

Восстанавливая разрушения, причиненные второй мировой войной, люди Земли вступили в эпоху научно-технической революции. Ростки ее появились еще в конце XIX века в виде телефонной связи, электрического освещения, первых автомашин и первых радиопередач, но подлинный взрыв открытий и изобретений пришел на последние десятилетия нашего века. Нарастающая лавина поразительных научных открытий и все ускоряющееся внедрение их в производство позволили человечеству менее чем за столетие шагнуть от стеариновых свечей, паровых машин и конных поездок к широчайшему использованию электричества, атомной энергии, реактивным самолетам, космическим ракетам.

Человек вдруг получил в свои руки тысячи новых полезных веществ с заранее задаваемыми свойствами, лекарства, позволяющие увеличить среднюю продолжительность жизни, наконец, смог выйти в космос. Правда, новые открытия принесли людям не только блага... Над общим до-

мом человечества — маленькой голубой планетой — возникли чудовищные призраки всеобщего атомного уничтожения и экологических катастроф — тоже порождения НТР. Давнее «Быть или не быть?» стало насущным вопросом уже не одного человека, а всего человечества Земли. И, естественно, это не могло не найти отражения в искусстве, в художественной литературе, и в частности в той ее ветви, которая особенно тесно связана с НТР, — в научной фантастике.

Современная научная фантастика — детище научно-технической революции. Следует подчеркнуть, что новый герой эпохи НТР, так же как и сама

ся литературоведы и критики, специализировавшиеся в этой области, и Ленинграду в этом отношении особенно повезло. Здесь с теорией научной фантастики прочно связали свои интересы и творчество Е. Брандис, А. Бритиков, В. Дмитревский, А. Убран. И, пожалуй, именно в их внимании и интересе к еще молодому жанру заключена одна из причин, почему в Ленинградской писательской организации возникла и плодотворно работает большая группа писателей-фантастов, а рядом вырастает молодое поколение, уже заявившее о себе первыми удачными публикациями (семинар молодых писателей-фантастов, возглавляемый

ху Пандиона («На краю Ойкумены») от эры Великого Кольца Разума («Туманность Андромеды», «Сердце змеи»), Ефремов как бы возродил на новой основе романы Жюля Верна и Г. Уэллса. Но научная фантастика, как и вся художественная литература, вырастает на фундаменте свершений и идей своей эпохи — той эпохи, в которой творят ее авторы. Удручающий пессимизм и безысходность социальных концепций Г. Уэллса, отрыв в его произведениях социального и нравственного прогресса от прогресса научно-технического были прямыми следствиями социальной и жизненной позиции самого автора.

были небольшие книжки в красочных обложках, с которых в читателя целились из атомных пистолетов космические чудовища, космические корабли и целые планеты взрывались в ужасающих катастрофах. Ненависть и ужас в космических масштабах — естественное продолжение отшельний и страстей, раздиравших капиталистический мир несправедливости сегодня.

А советские научные фантасты с их верой в человека, в безграничные возможности человеческого разума, показывают иное: великое стремление к совершенствованию, к прекрасному. Оно — красная нить развития человечества. Именно оно вело людей по трудному пути становления земной цивилизации, и его не могли остановить ни дикие орды кочевников, ни костры инквизиции, ни фашистское изувечество в двадцатом веке. Научно-фантастические романы Ефремова — гимн Человеку и его безграничным возможностям. Прекрасные качества Человека далекого будущего мы видим уже в Пандионе, когда такие, как он, еще бесконечно одиноки, и в их полном раскрытии у героев «Туманности Андромеды», когда эти качества стали нормой для подавляющего большинства людей Земли.

Высокогуманные, напоенные тревогой за судьбы человечества произведения научной фантастики появляются время от времени и во все расширяющиеся ее потоке на Западе. Достаточно вспомнить произведения западных писателей, которые наши читатели знает по переводам. Однако ни один из авторов, оставаясь на своих классовых позициях, при всем совершенстве мастерства и глубине замысла не сумел подняться до тех высот, с которых И. Ефремов раскрыл возможности и перспективы человечества Земли. Социальные, нравственные, философские «кредо» автора, таким образом, имеют решающее значение даже независимо от уровня художественного мастерства и от степени владения автором исторической перспективой.

Современная советская научная фантастика при всем многообразии ее направлений, задач, способов их реализации — литература, устремляющая помыслы читателя вперед, в будущее более или менее отдаленное. Она воспитывает читателя, призываю его к новым свершениям, новым поискам. Именно в этом, по-видимому, одна из причин популярности научной фантастики среди читателей всех возрастов.

А. ШАЛИМОВ

ФАНТАСТИКА ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

ВРЕМЯ. ХУДОЖНИК. ТВОРЧЕСТВО

эта эпоха во всем ее многообразии и противоречивости, был предугадан двумя писателями, которых мы с полным основанием называем сейчас великими и которых помещаем у истоков современной научной фантастики. Одним из них был Жюль Верн, другим Герберт Уэллс. Конечно, научно-фантастические произведения появлялись и до них по мере того, как наука, выкарабкиваясь из подвалов средневековых алхимиков, начинала играть все большую роль в человеческом обществе. Но то были лишь первые вспышки пламени, которое по-настоящему разгорелось на рубеже XIX и XX веков.

Новая, невообразимая раньше роль науки и ученых, их влияние на многие стороны жизни были поняты, предугаданы, развернуты именно на страницах научно-фантастических романов Жюля Верна и Герберта Уэллса. Классическая реалистическая проза конца прошлого века не заметила рождения новых героев; углубленная во внутренний мир маленького человека, она прошла мимо тех, кто был предвестниками НТР. Образы ученых, если они и попадали на страницы реалистического романа конца XIX — начала XX века, — второплановы, чудаковаты, наивны.

Пока еще не существует фундаментальной теории научной фантастики. Идет период сорбирательства, перечислительных обзоров, начальных классификаций. Однако уже тру-

Б. Стругацким). «Продукция» ленинградского отряда фантастов — это книги Г. Гора, О. Ларионовой, Г. Мартынова и других, ряд коллективных сборников, изданных Ленинградским отделением «Детской литературы» — «Планета туманов», «Незримый мост», «Созвездие» и Лениздатом — «Вторжение в Персей», «Кольцо обратного времени». Это, наконец, отдельные и цикловые передачи Ленинградского радио, посвященные научной фантастике (в том числе коллективные научно-фантастические «радиороманы»). Лишь Ленинградское телевидение пока не смогло (или не захотело) установить творческие связи с ленинградскими литераторами-фантастами.

«Отцом» их был Иван Ефремов — крупный ученый и писатель, чья огромная роль в геологической науке и в научной фантастике еще ждет подлинного раскрытия и глубокого анализа. Последние годы жизни он провел в Москве, но был тесно связан с Ленинградом, который очень любил, где учился и долго работал и где у него было много друзей, последователей и почитателей.

Ефремов как научный фантаст объединил в единое русло два направления, заданные Ж. Верном и Г. Уэллсом. Охватив своим творчеством колossalный отрезок истории земной цивилизации в пятьдесят тысячелетий — именно столько времени отделяет эпо-

ху Ефремов тоже был сыном своей эпохи. Новые человеческие отношения в формирующемся социалистическом обществе складывались на его глазах. Он был свидетелем и участником небывалого строительства нового, свидетелем того, как социалистическое общество доказало свою жизнестойкость в жесточайшей из войн. И «Туманность Андромеды» — это прекраснейшее из видений будущего — выросло на фундаменте, уже реально заложенном людьми в первой стране победившего социализма.

Два художника, два разных отправных рубежа научной фантастики, две социальные концепции, разделенные не многим более чем полувеком, и сколь различно видение грядущего! Эпоха морлоков и эпоха Дара Ветра...

Социальные отношения капиталистического мира, на какую бы научно-техническую основу они ни опирались, перенесенные в будущее, не оставляют художнику выбора — межпланетные войны, космический разбой, галактическая колонизация, уничтожение биосферы, мрачные лабиринты, в которых гнездятся морлоки. Социальная фантастика этого направления в значительном количестве издается сейчас в США и в буржуазных странах Европы. Ее немало в витринах магазинов. Ее читают... Во время поездки по США я нередко видел читающих американцев — в автобусах, метро, самолетах. В руках у них